
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Анна Тарасенко, Мария Рыбникова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА

В данной статье представлено критическое осмысление научной дискуссии об особенностях, факторах и результатах трансформации моделей государства благосостояния на постсоветском пространстве. Отправной точкой является монография Линды Дж. Кук, посвященная посткоммунистическим государствам благосостояния и основанная на адаптации классической типологии Эспинг-Андерсена. Привлекая исследовательскую литературу по социальной политике, анализу политического курса и политической науки, мы показываем основные результаты исследований и актуальные дискуссии. Что способствует реформам социальной политики, их успешной реализации или сопротивлению, какова роль заинтересованных групп, государственных и негосударственных акторов и каков эффект социальных реформ для общества? Мы показываем дискуссию о важности динамики политического режима и сокращения возможностей для представительства интересов, а также изменения отношений между федеральным и региональными правительствами. Эти исследования позволяют сделать вывод о механизмах создания и воспроизводства неравенства не только между различными социальными группами, но и между регионами. Анализ структуры групп интересов и их свойств позволяет продемонстрировать роль негосударственных и международных акторов в инициировании социальных

Анна Васильевна Тарасенко – к.полит.н., независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. Электронная почта: anjatarasenko@gmail.com

Мария Алексеевна Рыбникова – независимый исследователь, Москва, Российская Федерация. Электронная почта: marirybnikowa@gmail.com

реформ. Мы обращаемся к дискуссии об эффекте колеи и инерции институтов для объяснения результатов трансформации государства благосостояния. Предложены три направления в актуальной исследовательской повестке. Во-первых, мы указываем на необходимость анализа региональных особенностей обеспечения социального благополучия для понимания национальной модели государства благосостояния. Во-вторых, подчеркиваем важность изучения дилеммы недемократических правительств, которая сводится к необходимости поддерживать благосостояние общества без риска расширения политических требований прав и свобод. В-третьих, мы задаемся вопросом об адекватности классических теорий государства благосостояния для анализа социальной политики в условиях сокращающейся политической конкуренции и активных военных действий.

Ключевые слова: модели государства благосостояния, постсоветские страны, социальная политика, группы интересов, неравенство

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-375-386

Дискуссия о моделях государства благосостояния в посткоммунистических странах

Вопрос о принадлежности посткоммунистических стран¹ к той или иной модели государства благосостояния является предметом научной дискуссии (Polese et al. 2014; Sharkh, Gough 2010). В большинстве исследований точкой отсчета является классическая типология Эспинг-Андерсена (Esping-Andersen 1990), описывающая капиталистические демократии, которая требует адаптации для анализа недемократического и нерыночного контекста или переходных обществ. Признавая особенности постсоветских стран, Линда Кук выделяет новую модель – «информализованное» государство благосостояния (*informalised welfare state*), для которой характерно слабое государственное и рыночное регулирование, а также значительная роль неформальных механизмов (Кук 2021). Предложенная модель перекликается с подходом Шарка и Гуфа, которые также подчеркивают важность неформальных способов организации и доступа к благосостоянию в посткоммунистических странах (Sharkh, Gough, 2010), называя их протогосударствами благосостояния.

Принято считать, что ключевым для формирования той или иной модели государства благосостояния является тип экономики и роль государства

¹ В настоящее время в исследовательской литературе ведется дискуссия об адекватности использования понятий «посткоммунистические» или «постсоветские» страны, поскольку указание на общее прошлое больше не является определяющим или показательным для их характеристики и развития. Мы склонны согласиться с этим аргументом, но поскольку в настоящее время нет общепринятых определений обозначения этих стран в научной литературе, будем придерживаться существующих терминов, тем более что именно они используются в обозреваемой литературе.

в обеспечении благосостояния общества. Линда Кук характеризует позднесоветскую модель государства благосостояния как сочетание универсализма и стратифицированного доступа к социальному обеспечению (Кук 2021). Эта модель была распространена не только в СССР, но и в странах так называемого социалистического блока. В 1990-е гг., по мнению Л. Кука, Россия и Казахстан стали развиваться в сторону информализированной модели, а в Польше и Венгрии установилась социально-либеральная модель с элементами рыночной и унаследованной советской системы, при сохранении большей части государственного обеспечения благосостояния в Беларуси. Эти характеристики свойственны как социал-демократической модели, так и корпоративистской в типологии Эспинг-Андерсена. Анализ Кука и другие похожие исследования, адаптирующие классическую типологию для анализа некапиталистических и недемократических обществ, сопровождаются дискуссиями. Например, в феминистской литературе критикуется игнорирование роли семьи и женщин в производстве благосостояния. Роль женщин в заботе о детях и домашний труд сложно измерить унифицированным образом для целей классификации моделей социального государства. Помимо этого, основания, по которым выделена типология Эспинг-Андерсена, критикуется за то, что не включает разнообразие проявлений гражданского общества: от неформальных сетей поддержки до организованных систем представительства интересов и предоставления услуг (Salamon, Sokolowski 2001). Таким образом, в исследовательской повестке остается вопрос о создании эмпирически верифицируемой типологии, которая позволит учитывать и оценивать характеристики модели благосостояния, особенно в постсоветских обществах.

Процессы глобализации и развитие технологий способствуют увеличению разнообразия экономических моделей даже в рамках одной страны. Поэтому исследователи смещают фокус на региональные и местные модели благосостояния (Andreotti et al. 2012). В контексте таких исследований возникает вопрос, можно ли свести такие государства, как Российская Федерация, к одной модели государства благосостояния? Как показывают исследования, в регионах РФ с крупными промышленными или добывающими предприятиями между населением и местными элитами складывается особого рода социальный контракт (Panov, Ross 2021). Этот контракт предполагает значительно больше привилегий и расширенный социальный пакет по сравнению с регионами, где преобладает аграрная экономика или средний бизнес (Remington 2015). Такое региональное разнообразие требует детального изучения.

Децентрализация и рецентрализация управления как факторы либерализации социального государства

В исследовательской литературе большое внимание уделяется тому, как социальное государство изменяется в свете динамики политического

режима. Например, Линда Кук анализирует социальные реформы в связке с изменениями политического режима, которые во многом определили трансформацию государства благосостояния. Анализируя три периода рыночных реформ в России (1991–1993, 1994–1999 и 2000–2004 гг.), она показывает, как национальное правительство постепенно сокращало социальные обязательства. Вместе с тем политическая борьба, непоследовательный характер реформ, а также снижение эффективности управления в моменты экономических и политических кризисов, способствовали неадекватной реализации этой идеи (Кук 2021).

Во второй половине 1990-х гг. децентрализация социального обеспечения способствовала нарастанию непосильной нагрузки на региональные бюджеты (Кук 2021). Смещение ответственности за социальное обеспечение на региональный уровень и сокращение бюджетных расходов на социальные нужды, привели к неисполнению социальных обязательств. Финансирование социальных обязательств стало возможным лишь для ресурсно-обеспеченных регионов, которые получали собственный доход. Результатом стало усиление неравенства не только между отдельными категориями населения, но и между регионами. Федеральные трансферты, которые могли бы сгладить неравенство, не были системными и зачастую являлись предметом политического торга или инструментом умиротворения сепаратистских регионов (Grigoriev 2016; Гельман, Стародубцев 2014).

С приходом администрации Путина децентрализации в сфере управления стала сопутствовать политическая централизация и принятие решений в федеральном центре (Гельман 2006). Повышение эффективности управления выступило легитимирующим аргументом для концентрации административных, политических и экономических ресурсов в федеральном центре. Линда Кук показывает, как сочетание экономического роста и нарастание политического контроля федерального центра, с одной стороны, способствовало некоторым успехам социальной политики за счет повышения собираемости налогов и поступлений в социальные фонды, погашения большей части задолженностей по пособиям и заработной плате в государственном секторе. С другой стороны, это не позволило существенным образом изменить ситуацию с неравенством (Кук 2021).

Политика рецентрализации носила внутриэлитный характер, который упоминается исследователями как «навязанный консенсус», позволявший реализовывать единую политику максимизации контроля в отношении регионов. Региональное неравенство при полной атомизации регионов «играло на руку» центральной власти, выступая стимулом для извлечения ресурсной ренты (Гельман 2006). Исследователи отмечают, что реформы социальной политики могли и не являться предметом реальных интересов в условиях авторитарной модернизации (Гельман, Стародубцев 2014). Так, перераспределение полномочий в этой сфере между федеральным центром и регионами не имело своей целью повышение эффективности управления,

а скорее преследовало политические цели консолидации политического режима. Таким образом, децентрализация управления и политическая централизация в случае России вели к усугублению неравенства и «провалу» социального обеспечения на всех уровнях управления и увеличению ответственности граждан за собственное благосостояние, что скорее характерно для либеральной модели государства благосостояния.

Инерция и трансформации государства благосостояния: роль групп интересов

Политические переговоры между группами интересов приводят к различиям в траекториях реформ и изменению государства благосостояния. Исследователи выделяют прореформенные и антиреформенные группы интересов. К первым часто относят исполнительную власть, реформистские группы и международные институты, а ко вторым – государственно-бюрократические структуры и общественные группы (Кук 2021). Некоторые авторы показывают, как в странах с ограниченным политическим представительством общественные группы, региональные и местные власти, эксперты и социальные работники способны сдерживать трансформацию благосостояния и определять пределы реформ (Alexandrova, Struyk 2007; Iarskaia-Smirnova, Lyons 2018). Анализ ветеранских организаций (Тарасенко, Кулмала 2016) и всероссийских организаций инвалидов (Бугровский 2021) демонстрируют их активную роль в качестве заинтересованных групп в сохранении действующих институтов социальной поддержки, включая институты финансовой и инфраструктурной поддержки. Схожие исследования демонстрируют значимость структуры коалиций поддержки и противников социальных реформ в России и других постсоветских странах (Dekalchuk 2016; Grigoriev 2016). Для формирования этих коалиций принципиальным являются те базовые ценности (*core values and beliefs*), которые не могут быть предметом компромиссов.

Взаимодействие групп интересов с государством устроено по-разному и способствует как реализации, так и сопротивлению реформам в социальной политике. Солидаризируясь с прореформенными силами внутри правительства, банковский сектор может поддерживать реформы, например, в сфере расширения негосударственных страховых пенсионных схем (Cook et al. 2019). В то же время региональный бизнес зачастую эксплуатируется как федеральным, так и региональными правительствами для компенсации сокращающихся государственных социальных обязательств (Remington 2015). Исследования российского контекста показывают нарастание свойств технократического правления (Huskey 2010) и появление целой группы технократов, действия которых обусловлены достижением количественных показателей и мест в соответствующих рейтингах (Matveev, Novkunskaia 2020).

Отдельное внимание исследователи уделяют изучению групп влияния, которые находятся за пределами политических систем постсоветских стран. Речь идет о международных организациях и экспертных сообществах, которые являются не только источником экспертизы по проведению реформ, но и предоставляют финансовую поддержку для их реализации. В случае Польши и Венгрии очевидно было не только более серьезное влияние Всемирного банка, но и общей институциональной среды Европейского Союза. В то время как в России и Беларуси это влияние было существенным только в 1990-е гг. и к началу 2000-х сократилось (Кук 2021). Сравнительный анализ роли международных организаций в постсоветских странах показывает значимость особенностей регулирования их деятельности, а также уровня плюрализма в политической системе для объяснения их влияния на реформы (Dekalchuk et al. manuscript). Показательным развитием аргумента о роли международных институтов и локальных антрепренеров является исследование деятельности некоммерческих организаций в России по продвижению прогрессивной повестки в сфере социального обеспечения (Bindman et al. 2019). Включенность некоммерческих организаций в международные экспертные сети делает их частью актуальных дискуссий о лучших практиках в социальной политике. Например, привнесение новаторских идей в политическую повестку в момент открытия окна политических возможностей стало залогом инициирования реформы сиротских учреждений в России (Kulmala et al. 2017).

Описанный пул исследований напрямую дискутирует с тезисом о следовании заложенному пути развития (эффект колеи). Например, важность предыдущего опыта развития признается Лестером Саламоном и его соавторами: развитие некоммерческого сектора определяется особенностями исторически сформировавшихся моделей взаимоотношений между государством и обществом (Salamon, Sokolowski 2001). Сама теория государства благосостояния базируется на тезисе об относительной устойчивости сформировавшихся моделей, которые воспроизводятся с течением времени. Исследования в рамках нео-институционального подхода дискутируют с этим тезисом о детерминизме в социальной политике и подчеркивают значимость политических антрепренеров (Immergut 2022). Нео-институциональный подход позволяет выстроить анализ, в котором инерция институтов управления социальной политики объясняется действиями политических акторов (вето-игроков и групп интересов). Таким образом эффект колеи не является самостоятельным значимым фактором. Он объясняется особенностью работы и воспроизводства институтов, а также их определяющего свойства – инерции. Как показывают исследования реформы сиротских учреждений в России (Kulmala et al. 2021), а также семейной и пенсионной реформ в Польше (Inglot 2016), в результате реформ скорее наблюдается наслаивание и гибридизация разных институтов, чем их неизменчивость или инерция.

Неформальные практики и другие последствия социальных реформ

Оценивая результаты трансформации социального государства, исследования показывают и то, как адаптируется общество. Сокращение государственных обязательств, в том числе в форме адресности или оптимизации (Tarasenko 2022; Matveev, Novkunskaia 2022), привело к увеличению нагрузки на граждан. Параллельно реформам развивались неформальные механизмы распределения доступа к социальным благам в России и Казахстане (Кук 2021). Исследователи отмечают, что неправовые практики и использование личных знакомств нормализованы и воспринимаются как важные условия для улучшения социального положения (Лежнина, Тихонова 2014; Cook 2015). Их развитие, однако, становится не просто способом получения социальных благ, но и определяет характер общественных отношений.

Сокращение социальных обязательств сопровождается секьюритизацией социальной политики, которая обосновывается заботой о детях и семье. Например, в Польше и Венгрии в целях политической мобилизации нелиберальные политические силы рассматривают концепции «гендерного равноправия» как символ опасности, угрожающий семье, детям и национальным интересам (Grzebalska, Petó 2018). Наравне с этим недемократические правительства в постсоветских странах создают и поощряют организации военно-патриотического воспитания молодежи (например, «Юнармия»), в том числе, в целях социальной работы с молодежью и ее рекрутирования в силовые ведомства (Sieca-Kozłowski 2010; Alava 2021). Таким образом, социальная политика становится инструментом для достижения краткосрочных целей правящих групп, а не направленной на улучшение благосостояния населения в целом.

Новая исследовательская повестка

Этот обзор позволяет сформулировать три направления актуальной исследовательской повестки. Первое связано с территориальным и управленческим аспектами развития государства благосостояния. Как было показано, региональные модели реализации благосостояния по сути являются слепым пятном в исследовательской литературе. Их изучение позволит более точно описать модели государства благосостояния в таких многосложных обществах как российское. Второе направление связано с необходимостью описания и объяснения роли граждан и запросов общества в отношении социального обеспечения в условиях свободного и ограниченного политического представительства. Для постсоветского контекста важен детальный анализ того, как недемократические правительства справляются с дилеммой – поддерживать определенный уровень благосостояния общества, который бы не привел

к широкомасштабным требованиям граждан расширять политические и гражданские свободы. Третье направление связано с рефлексией о том, можно ли в принципе говорить о государстве благосостояния в условиях, когда политический режим дрейфует в сторону недемократического? Эта повестка продиктована, с одной стороны, описанными выше провалами государства в обеспечении благополучия своих граждан. С другой стороны, политика России в отношении соседних стран и ведение военных действий ставит вопрос о приоритетах автократов и оправданности потерь среди гражданского населения. Позволяет ли теория государства благосостояния понять и объяснить социальную политику, а также особенности создания и воспроизводства благосостояния в обществе в такие моменты исторического развития? Эти вопросы требуют нового фокуса в исследованиях социальной политики и показывают необходимость новых теоретических подходов.

Список источников

- Бугровский А. (2021) Всероссийские общества людей с инвалидностью: природа инерционности во взаимодействии с органами власти. *Журнал исследований социальной политики*, 19 (4): 685–700.
- Гельман В. (2006) Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России. *Полис. Политические исследования*, (2): 90–109.
- Гельман В., Стародубцев А. (2014) Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов. *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4 (75): 6–30.
- Кук Л. (2021) *Посткоммунистические государства всеобщего благосостояния. Политика реформ в России и Восточной Европе*. СПб: Academic Studies Press / Библиороссика.
- Лежнина Ю., Тихонова Н. (2014) Бедность и социальная мобильность. М. Горшков, Н. Тихонова (ред.) *Бедность и бедные в современной России*. М.: Весь Мир: 127–148.
- Тарасенко А., Кулмала М. (2016) Представительство интересов и социальная политика в России: ветеранские организации как посредники между обществом и государством. *Журнал исследований социальной политики*, 14 (4): 551–568.
- Sharkh Abu M., Gough I. (2010) Global Welfare Regimes: A Cluster Analysis. *Global Social Policy*, 10 (1): 27–58.
- Alava J. (2021) Russia's Young Army: Raising New Generations into Militarized Patriots. Nexus of Patriotism and Militarism in Russia. Pynnöniemi K. (ed.) *Nexus of Patriotism and Militarism in Russia: A Quest for Internal Cohesion*. Helsinki. Helsinki University Press: 249–282.
- Alexandrova A., Struyk R. (2007) Reform of In-kind Benefits in Russia: High Cost for a Small Gain. *Journal of European Social Policy*, (17): 153–166.
- Andreotti A., Mingione E., Emanuele P. (2012) Local Welfare Systems: A Challenge for Social Cohesion. *Urban Studie*, 49 (9): 1925–1940.
- Bindman E., Kulmala M., Bogdanova E. (2016) NGOs and the Policy-making Process in Russia: The Case of Child Welfare Reform. *Governance*, 32 (2): 207–222.
- Cook L. (2011) Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. Chapter Two. In: M. Jäppinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-socialist Countries*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing: 14–37.

- Cook L. (2015) Constraints on Universal Health Care in the Russian Federation. Inequality, Informality and the Failures of Mandatory Health Insurance Reforms. *UNRISD Working Paper*: 2015–5.
- Cook L., Aasland A., Prisyazhnyuk D. (2019) Russian Pension Reform under Quadruple Influence. *Problems of Post-Communism*, 66 (2):96–108.
- Dekalchuk A. (2016) Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared. In: V. Gel'man (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. Routledge: 178–194.
- Dekalchuk A., Grigoriev I., Starodubtsev A. (unpublished manuscript) *Patterns of International Organizations' Engagement in Reform and Policy Making in the Post-Soviet Space*.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, New Jersey.
- Grigoriev I. (2016) Labor Reform in Putin's Russia Could Modernization Be Democratic? In: V. Gel'man (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. Routledge: 207–223.
- Grzebalska W., Petó A. (2018) The Gendered Modus Operandi of the Illiberal Transformation in Hungary and Poland. *Women's Studies International Forum*, (68): 164–172.
- Huskey E. (2010) Elite Recruitment and State-society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. *Communist and Post-communist Studies*, 43 (4): 363–372.
- Iarskaia-Smirnova E. R., Lyons K. (2018) Social Цорк in FSU Countries: Mapping the Progress of 'The Professional Project.' *European Journal of Social Work*, 21 (1): 114–127.
- Immergut E. (2021) Political Institutions. In: D. Béland, K. Morgan, H. Obinger, C. Pierson (eds.) *The Oxford Handbook of the Welfare State*. Oxford University Press: 313–329.
- Inglot T. (2016) Path-dependency versus Reform in Pensions and Family Policy Re-examined: Dual Trajectories of the Polish Welfare State since the 1990s. *Social policy & Administration*, 50 (2): 241–261.
- Kulmala M., Jäppinen M., Klimova A., Tarasenko A. (eds.) (2021) *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space. Institutional Change in Russia*. Routledge.
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15 (3): 353–366.
- Matveev I., Novkunskeya A. (2022) Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions. *Europe-Asia Studies*, 74 (1): 50–71.
- Panov P., Ross C. (2021) Mobilized Voting' versus 'Performance Voting' in Electoral Autocracies: Territorial Variations in the Levels of Support for the Systemic Opposition Parties in Russian Municipalities. *Regional & Federal Studies*, DOI: 10.1080/13597566.2021.1962307.
- Polese A., Morris J., Kovács B., Harboe I. (2014) 'Welfare States' and Social Policies in Eastern Europe and the Former USSR: Where Informality Fits in? *Journal of Contemporary European Studies*, 22 (2): 184–198.
- Remington T. (2015) Institutional Variation Among Russian Regional Regimes: Implications for Social Policy and the Development of Non-governmental Organizations. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 26 (6): 2215–2237.
- Salamon L., Sokolowski W. (2001) *Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries*. Baltimore: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies.
- Sieca-Kozłowski E. (2010) Russian Military Patriotic Education: A Control Tool Against the Arbitrariness of Veterans. *Nationalities Papers*, 38 (1): 73–85.
- Tarasenko A. (2022) Outsourcing Elderly Care to Private Companies in Russia: (Non)Compliance and Creative Compliance as Responses to the Principal-Agent Problem. *East European Politics*. Online first. DOI: 10.1080/21599165.2022.2139683

WELFARE STATE TRANSFORMATION IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: ACADEMIC DISCUSSION AND RESEARCH AGENDA

This article presents a critical reflection of the academic debate on features, factors, and results of the welfare state transformation in the post-Soviet space. The starting point is Linda J. Cook's monograph on post-communist welfare states, based on an adaptation of Esping-Andersen's classic typology. Drawing on the research literature on social policy, policy analysis, and political science, we present key research findings and discussions. What impacts social policy reforms, their successful implementation or resistance to them, what role do interest groups play, and what is the effect of social reforms for society? We present a discussion about the importance of political regime dynamics and reduction of opportunities for interest representation, as well as changes in the relationship between federal and regional governments. These studies allow us to draw a conclusion about the mechanisms of creation and reproduction of inequality not only between different social groups, but also between regions. An analysis of the interest groups' structure demonstrates the role of non-state and international actors in initiating social reforms. We turn to the discussion of path-dependence and institutional inertia to explain the results of the transformation of the welfare state. To conclude, we propose three future research agenda venues. First, we point out the need to analyze the regional features of ensuring social well-being in order to understand the national model of the welfare state. Second, we see the importance of exploring the dilemma of autocracies in maintaining the welfare of society without risking the expanding of social demands. Ultimately, we question the adequacy of classical welfare state theories in the context of the rising dictatorship and de facto martial law.

Keywords: welfare state models, post-soviet countries, social policy, interest groups, inequality

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-375-386

References

Alava J. (2021) Russia's Young Army: Raising New Generations into Militarized Patriots. Nexus of Patriotism and Militarism in Russia. Pynnöniemi K. (ed.) *Nexus of Patriotism and Militarism in Russia: A Quest for Internal Cohesion*. Helsinki. Helsinki University Press: 249–282.

Anna V. Tarasenko – Cand. Sci. (Polit.), independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. Email: anjatarasenko@gmail.com

Maria A. Rybnikova – independent researcher, Moscow, Russian Federation. Email: marirybnikowa@gmail.com

- Alexandrova A., Struyk R., (2007) Reform of In-kind Benefits in Russia: High Cost for a Small Gain. *Journal of European Social Policy*, (17): 153–166.
- Andreotti A., Mingione E., Emanuele P. (2012) Local Welfare Systems: A Challenge for Social Cohesion. *Urban Studie*, 49 (9): 1925–1940.
- Bindman E., Kulmala M., Bogdanova E. (2016) NGOs and the Policy-making Process in Russia: The Case of Child Welfare Reform. *Governance*, 32 (2): 207–222.
- Bugrovskiy A. (2021) Vserossiyskie obshchestva lyudey s invalidnost'yu: priroda inertsionnosti vo vzaimodeystvii s organami vlasti [All-Russian Societies of People with Disabilities: The Nature of Inertia in Interaction with State Authorities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19 (4): 685–700.
- Cook L. (2021) *Postkommunisticheskie gosudarstva vseobshchego blagosostoyania. Politika reform v Rossii i Vostochnoi Evrope* [Postcommunist Welfare States. Reform Politics in Russia and East Europe]. Saint-Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika.
- Cook L. (2011) Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. Chapter Two. In: M. Jäppinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-socialist Countries*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing: 14–37.
- Cook L. (2015) Constraints on Universal Health Care in the Russian Federation. Inequality, Informality and the Failures of Mandatory Health Insurance Reforms. *UNRISD Working Paper*: 2015–5.
- Cook L., Aasland A., Prisyazhnyuk D. (2019) Russian Pension Reform under Quadruple Influence. *Problems of Post-Communism*, 66 (2): 96–108.
- Dekalchuk A. (2016) Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared. In: V. Gel'man (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. Routledge: 178–194.
- Dekalchuk A., Grigoriev I., Starodubtsev A. (unpublished manuscript) *Patterns of International Organizations' Engagement in Reform and Policy Making in the Post-Soviet Space*.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, New Jersey.
- Gel'man V. (2006) Vozvrashchenie Levafana? Politika retsentralizatsii v sovremennoy Rossii [Politics of Recentralization in Contemporary Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], (2): 90–109.
- Gel'man V., Starodubtsev A. (2014) Vozmozhnosti i ogranicheniya avtoritarnoy modernizatsii: rossiyskie reformy 2000-kh godov [Opportunities and Limitations of Autocratic Modernization: Russian Reforms in 2000s]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki 'Politiya'. Analiz. Khronika. Prognoz* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politic 'Politia'], 4 (75): 6–30.
- Grigoriev I. (2016) Labor Reform in Putin's Russia Could Modernization Be Democratic? In: V. Gel'man (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. Routledge: 207–223.
- Grzebalska W., Pető A. (2018) The Gendered Modus Operandi of the Illiberal Transformation in Hungary and Poland. *Women's Studies International Forum*, (68): 164–172.
- Huskey E. (2010) Elite Recruitment and State-society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. *Communist and Post-communist Studies*, 43 (4): 363–372.
- Iarskaia-Smirnova E. R., Lyons K. (2018) Social Work in FSU Countries: Mapping the Progress of 'The Professional Project.' *European Journal of Social Work*, 21 (1): 114–127.
- Immergut E. (2021) Political Institutions. In: D. Béland, K. Morgan, H. Obinger, C. Pierson (eds.) *The Oxford Handbook of the Welfare State*. Oxford University Press: 313–329.

- Inglot T. (2016) Path-dependency versus Reform in Pensions and Family Policy Re-examined: Dual Trajectories of the Polish Welfare State since the 1990s. *Social policy & Administration*, 50 (2): 241–261.
- Kulmala M., Jäppinen M., Klimova A., Tarasenko A. (eds.) (2021) *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space. Institutional Change in Russia*. Routledge.
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15 (3): 353–366.
- Lezhnina Yu., Tikhonova N. (2014) Bednost' i sotsial'naya mobil'nost' [Poverty and Social Mobility]. In: M. Gorshkov, N. Tikhonova (eds.) *Bednost' i bednye v sovremennoy Rossii* [Poverty and Impoverished People in Contemporary Russia]. Moscow: Ves' Mir: 127–148.
- Matveev I., Novkunskaia A. (2022) Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions. *Europe-Asia Studies*, 74 (1): 50–71.
- Panov P., Ross C. (2021) Mobilized Voting' versus 'Performance Voting' in Electoral Autocracies: Territorial Variations in the Levels of Support for the Systemic Opposition Parties in Russian Municipalities. *Regional & Federal Studies*, DOI: 10.1080/13597566.2021.1962307.
- Polese A., Morris J., Kovács B., Harboe I. (2014) 'Welfare States' and Social Policies in Eastern Europe and the Former USSR: Where Informality Fits in? *Journal of Contemporary European Studies*, 22 (2): 184–198.
- Remington T. (2015) Institutional Variation among Russian Regional Regimes: Implications for Social Policy and the Development of Non-governmental Organizations. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 26 (6): 2215–2237.
- Salamon L., Sokolowski W. (2001) *Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries*. Baltimore: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies.
- Sieca-Kozłowski E. (2010) Russian Military Patriotic Education: A Control Tool Against the Arbitrariness of Veterans. *Nationalities Papers*, 38 (1): 73–85.
- Sharkh Abu M., Gough I. (2010) Global Welfare Regimes: A Cluster Analysis. *Global Social Policy*, 10 (1): 27–58.
- Tarasenko A. (2022) Outsourcing Elderly Care to Private Companies in Russia: (Non) Compliance and Creative Compliance as Responses to the Principal-Agent Problem. *East European Politics*. Online first. DOI: 10.1080/21599165.2022.2139683
- Tarasenko A., Kulmala M. (2016) Predstavitel'stvo interesov i sotsial'naya politika v Rossii: veteranskie organizatsii kak posredniki mezhdru obshchestvom i gosudarstvom [Representing Interests and the Crafting of Social Policy: Viewing Russian Veterans' Organisations as Brokers between State and Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14 (4): 551–568.